

Международные конференции.
Педагогика и психология 2023.Т.2, № 4
Сборник материалов конференций
Сетевое издание

Международные конференции

Педагогика и психология

2023 Том 2 № 4

научный
рецензируемый сборник
материалов конференций

Сетевое издание

[https:// psiped.ru/](https://psiped.ru/)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ 16+

2023 Том 2, № 04

Сборник материалов
конференций
Основан в 2022 году

УЧРЕДИТЕЛЬ

ООО «Академия образования и воспитания»

Главный редактор

кандидат педагогических наук, доцент **В.Д. Иванов**

Заместитель главного редактора

доктор психологических наук, профессор **Е.Ф. Ященко**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

М. Р. Арпентьева, доктор психологических наук, доцент, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского (Калуга, Россия)

Ю. П. Ветров, доктор педагогических наук, профессор, Армавирская государственная педагогическая академия (Армавир, Россия)

Л. Н. Волошина, доктор педагогических наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Россия)

Маженна Заорска, доктор педагогических наук, профессор, Варминьско-Мазурский университет, член Комитета педагогических наук, Польская академия наук (Ольштын, Польша)

В. Д. Иванов, кандидат педагогических наук, доцент, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия)

Ю. С. Константинов, доктор педагогических наук, Федеральный центр детско-юношеского туризма и краеведения, Международная академия детско-юношеского туризма и краеведения (Москва, Россия)

Г. А. Кузьменко, доктор педагогических наук, доцент, профессор, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия)

В. С. Макеева, доктор педагогических наук, профессор, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (Москва, Россия)

Г. Н. Максименко, доктор педагогических наук, профессор, Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко (Луганск, Украина)

А. С. Махов, доктор педагогических наук, профессор, Российский государственный социальный университет (Москва, Россия)

П. К. Петров, доктор педагогических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (Ижевск, Россия)

Павлович Ратко, доктор наук в области физической культуры, профессор физической культуры, регулярный профессор, Университет Восточного Сараево (Восточный Сараево, Республика Сербская-Босния и Герцеговина)

Н. Н. Сентябров, профессор, доктор биологических наук, профессор, Волгоградская государственная академия физической культуры (Волгоград, Россия)

Н. И. Синявский, доктор педагогических наук, профессор, Сургутский государственный педагогический университет (Сургут, Россия)

Ф. И. Собянин, доктор педагогических наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Россия)

И. Ю. Швец, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный университет туризма и сервиса (Москва, Россия)

Е. Ф. Ященко, доктор психологических наук, профессор, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I (Санкт-Петербург, Россия)

Сборник выходит
ежемесячно

Адрес сборника в Интернете
<https://psiped.ru/>

Адрес издателя:
Россия, 454003, Челябинск,
ул. Салавата Юлаева, 29
ООО «Академия образования и
воспитания»

Адрес редакции:
Россия, 454003, г. Челябинск,
ул. Салавата Юлаева, 29, к.290.
Тел.: +7 951 118 77 53
e-mail: vdy-55@mail.ru

Адрес для писем:
Россия, 454003, г. Челябинск,
ул. Салавата Юлаева, 29, к.290,
редакция журнала

С условиями публикации и
требованиями
к оформлению статей можно
ознакомиться на сайте журнала
<https://psiped.ru/>

Подписано в печать 23.04.2023.
Выход в свет 24.04.2023.

Редакция может не разделять точку
зрения авторов публикаций.
Ответственность за содержание
статей и качество перевода
аннотаций несут авторы публикаций

INTERNATIONAL CONFERENCES PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

ONLINE EDITION 16+

2023 Volume 2, no. 4

SCIENCE
Collection
of conference materials
Founded in 2022

FOUNDER

ООО «Академия образования и воспитания»

Editor-in-chief

V.D. Ivanov, Ph.D., Associate Professor (Chelyabinsk, Russia)

Deputy Editor

E.F. Yashchenko, Doctor of Psychology, Professor of Social Psychology

EDITORIAL BOARD

M.R. Arpentieva, Doctor of Psychology, Associate Professor, Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky (Kaluga, Russia)

Y.P. Wetrov, Doctor of Pedagogy, Professor, Armavir State Pedagogical Academy (Armavir, Russia)

L.N. Voloshina, Doctor of Pedagogy, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

M. Zaorska, doctor of pedagogical Sciences, Professor, Warmian-Masurian University, member Of the Committee of pedagogical Sciences, Polish Academy of Sciences (Olsztyn, Poland)

V.D. Ivanov, Ph.D., Associate Professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia)

Yu.S. Konstantinov, Doctor of Pedagogy, Federal center of youth tourism and local lore, international Academy of youth tourism and local lore (Moscow, Russia)

G. A. Kuzmenko, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor. Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)

V. M. Makeeva, Doctor of Pedagogy, Professor, Russian state University of physical culture, sports, youth and tourism (Moscow, Russia)

G. N. Maksimenko, Doctor of pedagogical Sciences, Professor, Lugansk national University named after Taras Shevchenko (Lugansk, Ukraine)

A.S. Makhov, Doctor of Pedagogy, Professor, Russian State Social University (Moscow, Russia)

P.K. Petrov, Doctor of Pedagogy, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Ratko Pavlović, doctor of Sciences in the field of physical culture, Professor of physical culture. Regular Professor, University Of East Sarajevo (East Sarajevo, Republic of Srpska-Bosnia and Herzegovina)

N.N. Sentiabrev, Doctor of biological Sciences, Professor Volgograd state Academy of physical culture, (Volgograd, Russia)

N.I. Sinyavsky, Doctor of Pedagogy, Professor, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russia)

F.I. Sobyenin, Doctor of Pedagogy, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

I.Y. Shvets, Doctor of Economic Sciences, Professor, Russian state University of tourism and service (Moscow, Russia)

E.F. Yashchenko, Doctor of Psychology, Professor of Social Psychology, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University (St. Petersburg, Russia)

The Editorial Board may not share the views of the authors.
Authors are responsible for the article content and quality of annotations' translation.

The Collection
of conference materials is published
twelve times a year

Address of the Collection
of conference materials on the
Internet <https://psiped.ru/>

Publisher's address:

29 Salavat Yulaev str., Chelyabinsk,
454003, Russia
"Academy of education and
upbringing"

editorial office Address:
Russia, 454003, Chelyabinsk,
Salavata Yulaeva, 29, of. 290.
Tel.: +7 951 118 77 53
e-mail: vdy-55@mail.ru

email Address:
Russia, 454003, Chelyabinsk,
Salavata Yulaeva, 29, of. 290,
editorial office

with the terms of publication and
requirements
the design of articles can be found on
the journal's website
<https://psiped.ru/>

Passed for printing 23.04.2023.
Date of publication 24.04.2023.

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные проблемы педагогики и психологии

Alekseev A.V. On the question of the strong manipulative power of influencers in social networks	5
Болокова Д.М. Особенности расторжения трудового договора со спортсменом, с тренером	9
Гергунова П. А. Цифровая трансформация спортивной деятельности	13
Ману И.А. Изучение домашнего насилия в отношении мужчин в метрополии Кумаси в Гане	17
Manu I.A. Examining the forms and neuropsychological defects of family violence in the families of Russia and Ghana	26
Руденко Т.О. Психосоматические предпосылки снижения зрения	33

CONTENTS

Actual problems of pedagogy and psychology

Alekseev A.V. On the question of the strong manipulative power of influencers in social networks	5
Balakova D.M. Features of termination of an employment contract with an athlete, with a coach	9
Herhunova P.A. Digital transformation of sports activities	13
Manu I.A. Examining the forms and neuropsychological defects of family violence in the families of Russia and Ghana (Russ.)	17
Manu I.A. Examining the forms and neuropsychological defects of family violence in the families of Russia and Ghana	26
Rudenko T.O. Psychosomatics of the eye diseases	33

УДК 811.1

**ON THE QUESTION OF THE STRONG MANIPULATIVE POWER OF INFLUENCERS
IN SOCIAL NETWORKS**

Alekseev A.V.

PhD (Linguistics), Associate professor

Associate Professor of the English Department no. 6

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-8193-8740. **SPIN-код:** 1384-2003, **AuthorID:** 740879. **E-mail:** alexander1990alekseev@gmail.com

Abstract

This article presents an overview of the works of scientists devoted to the study of political movements in modern virtual communication. The article presents information on the interaction of communicants in the networks of the second generation of the Internet at the present stage of the development of society. The data on the issues of motivation and mobilization of communities on the Internet are also reflected. Separately, the relevance of the study of the influence of influencers on the behavioral patterns of communicants is considered. An important part of this work is the interdisciplinary aspect of the study of socio-political movements in the perspective of their research from the point of view of the transition of actions from the sphere of media communication to real life.

The relevance of the topic is due to the fact that for the majority, communication in social networks today directly correlates with socio-political activity and interaction.

The problem of this article is the increasing role of influencers in the media space. The goal is to identify works that contribute to the implementation of further identification of the manipulative power of influencers.

The methodology was based on a comparative analysis. Through it, it became possible for foreign scientists to reveal the topic within the framework of determining similarities and differences.

The result of this work is the presentation of the manipulative power of influencers as a new socio-political phenomenon. This phenomenon plays an important role on social platforms.

It becomes important to hypothesize that influencers on the Internet not only work in the field of reproduction of entertainment content, but also become important political actors who are able to influence the position of subscribers..

Keywords: Media communication, social platforms, political linguistics.

The importance of the role of influencers today for the formation of the political agenda not only within an individual state, but also for the coverage of events in the international arena is becoming an extremely relevant phenomenon. The process of broadcasting one's opinion or transmitting biased positions in the field of mass communications becomes important due to the struggle of various political systems and worldviews.

Social networks are becoming an important means to convey a specific point of view, since a large proportion of people today have access to the Internet. A correct understanding of the situation in the state with all the prerequisites and consequences becomes for communicants a certain filter for the selection of content issued by specific influential persons in the second-generation Internet networks.

Erroneous postulates can not only change people's perception of a particular socio-political phenomenon broadcast on social platforms, but can also lead to irrational actions during real protests on the streets and squares of large cities in order to highlight problems in society. These protest movements can be both constructive and destructive.

Conflicts in the Internet environment, especially conflicts between influencers, can both neutralize the planned protest socio-political campaigns, and dispel certain myths on the topical information agenda. The presence of facts and well-developed arguments is a key resource for defending your position in social networks. However, one should also take into account the fact that the audience of subscribers of the influencer and its informational and social influence can neutralize even the most rational criticism in the process of modern virtual communication.

Currently, second-generation Internet networks are intensively entering the social and political life of communicants. Often, this phenomenon acquires not only a local, but also a global character. Communicants all over the planet, through information technology, illuminate and broadcast the agenda on a certain issue that causes discrepancies among citizens of a particular country.

A competent approach to the issue of studying the integration of Internet users provides

a huge array of data, which becomes the subject of research not only by linguists and philologists, but also by political scientists, sociologists, cultural scientists and experts in the field of media communications. The study of political movements in the digital age is becoming an important milestone both in the measurement of empirical material and in increasing the importance of an interdisciplinary research vector that unites most of the social and some exact sciences.

An important aspect of the study of socio-political phenomena from the point of view of exact sciences is precisely the thorough elaboration of digital lexical units that can be used by scientists to compile statistical series and derive formulas based on research results. Due to the fact that an increasing number of people began to use their smartphones and other forms of gadgets, it became clear that social platforms are replacing not only traditional media (newspapers and television), but also blogs on the Internet. This fact can be explained by the fact that feedback and interaction with groups of subscribers becomes important for news authors to form manipulative strategies formed within the framework of personal preferences.

In the work "Detection of influencers in communication in social networks: a linguistic approach", N. Patel et al. note that the search for influencers is becoming an important phenomenon in the artificial intelligence community due to its usefulness for identifying communicants in an extensive network of user [1]. Z. Tyufekchi and Kr. Wilson, in the article "Social networks and the decision to participate in a political protest", interviewed the participants of the protests in Tahrir Square in Egypt, found that social networks in general and Facebook in particular began to represent new sources of information that the political regime had difficulty regulating [2] (Meta is recognized as an extremist organization and banned in the territory of the Russian Federation).

In V. Nandagiri's work "The influence of influencers from Instagram and YouTube on their subscribers", the expert also interviewed 3 influencers, after which he came to the conclusion that the work of influencers is productive and they actually have an impact on their

subscribers, since the latter see that the influencer is a reliable source [3].

The above review of works devoted to the issue of interaction of communicants in the second-generation Internet networks allows us to establish the growing relevance of this phenomenon. Diverse approaches to the subject, in turn, emphasize the multidimensional nature of the studied phenomena in the process of modern virtual communication.

Presenting mainly entertainment content on the Internet, many active users with a large number of followers gradually began to pay more and more attention to the sphere of social problems. Thus, the focus of attention on various political events presented by influential persons in the media space began to shift on media communication platforms.

As part of working with digital tokens, expressed in the form of hashtags, in social networks, it is important to emphasize the important role that influencers play in various

socio-political protest campaigns. This topic is becoming relevant today, when political movements and campaigns in the media sphere occur quite often, often repeating themselves. Influencers are one of the main components of any movement. Without their support, some actions would not have received such a large-scale coverage.

The influencers began to change their main occupation in order to influence the communicators who are in constant communication with them. This article provides a brief overview of significant works on the political work of influencers in the process of modern virtual communication to understand the general trends in the development of this phenomenon, which becomes extremely relevant due to the fact that subscribers of certain groups in the media space often become the driving force of many socio-political protest campaigns in the future.

References

1. Patel, Namrata & Cédric, Lopez & Partalas, Ioannis & Avouac, Pierre-Alain & Segond, Frédérique. (2017). Detecting Influential Users in Social Network Conversations: A Linguistic Approach. Proceedings of AI4KM 2017 (IJCAI'17).
2. Zeynep Tufekci, Christopher Wilson, Social Media and the Decision to Participate in Political Protest: Observations From Tahrir Square, Journal of Communication, Volume 62, Issue 2, April 2012, Pages 363–379, <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2012.01629.x>
3. Nandagiri, Vaibhavi. (2018). The impact of influencers from Instagram and YouTube on their followers.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Alekseev A.V. On the question of the strong manipulative power of influencers in social networks / A.V. Alekseev // Международные конференции. Педагогика и психология. 2023. Т. 2, № 4. С. 5-8.

Alekseev Alexander Vladimirovich

PhD (Linguistics), Associate professor

Associate Professor of the English Department no. 6

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-8193-8740. **SPIN-код:** 1384-2003, **AuthorID:** 740879. **E-mail:** alexander1990alekseev@gmail.com

INTERNATIONAL CONFERENCES. PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY
2023. vol. 2, no. 4. pp. 5-8.

К ВОПРОСУ О МАНИПУЛЯТИВНОЙ СИЛЕ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ЛИЦ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Алексеев Александр Владимирович

Кандидат филологических наук, доцент

Доцент кафедры английского языка № 6 Факультета управления и политики

Московский государственный институт международных отношений МИД РФ. Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0002-8193-8740. **SPIN-код:** 1384-2003, **AuthorID:** 740879. **E-mail:** alexander1990alekseev@gmail.com

Аннотация. Статья репрезентует обзор работ учёных, посвящённых исследованию основных политических движений в современной виртуальной коммуникации. В статье также представлена информация относительно взаимодействия коммуникантов в сетях второго поколения Интернета на современном этапе развития социума. Кроме того, отражены данные по вопросам мотивации и мобилизации сообществ в сетях Интернета. Отдельно рассматривается актуальность исследования влияния инфлюэнсеров на поведенческие паттерны коммуникантов. Важной частью данной работы представляется междисциплинарный аспект исследования социально-политических движений в перспективе их исследования с точки зрения перехода акций из сферы медиакоммуникации в реальную жизнь.

Актуальность темы обусловлена фактом того, что для большинства коммуникация в соцсетях на сегодняшний день напрямую коррелирует с социально-политической активностью и взаимодействием.

Проблемой настоящей статьи является возрастающая роль инфлюэнсеров в медиапространстве. **Целью становится** определение работ, способствующих реализации дальнейшей задачи по идентификации манипулятивной силы инфлюэнсеров.

За основу методологии был взят сопоставительный анализ. Посредством него стало возможно раскрытие темы зарубежными учёными в рамках определения сходств и отличий.

Результатом настоящей работы является представление манипулятивной силы инфлюэнсеров в качестве нового социально-политического феномена. Данный феномен играет важную роль именно на социальных платформах.

Важной становится и гипотеза о том, что инфлюэнсеры в Интернете на современном этапе развития социума не только работают в сфере воспроизводства развлекательного контента, но и становятся важными политическими акторами, которые способны влиять на позицию подписчиков.

Ключевые слова: Медиакоммуникация, социальные платформы, политическая лингвистика

Поступила в редакцию 24.03.2023. Прошла рецензирование и рекомендована к опубликованию 10.04.2023.

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-NonCommercial» («Атрибуция – Некоммерческое использование») 4.0 Всемирная – <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

ОСОБЕННОСТИ РАСТОРЖЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА СО СПОРТСМЕНОМ, С ТРЕНЕРОМ

Болокова Д.М.

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

Краснодар, Россия

ORCID ID: 0009-0004-1926-6455. **E-mail:** bolokovazh@mail.ru

Аннотация: в данной научной работе проведен анализ особенностей расторжения трудового договора со спортсменом, с тренером. Такие особенности обусловлены спецификой спортивной сферы деятельности рассматриваемых категорий работников. В ходе исследования были выявлены некоторые проблемные вопросы, возникающие при прекращении трудовых отношений.

Ключевые слова: спортсмен; тренер; трудовой договор; расторжение трудового договора; прекращение трудовых отношений.

Введение. Расторжение трудового договора осуществляется по правилам, которые предусмотрены в нормах главы 13 Трудового кодекса РФ [1] (далее – ТК РФ). Однако, данные правила касаются общих оснований для расторжения по взаимному согласию сторон договора или же по инициативе одной из таких сторон (работодатель, работник). В настоящее время труд отдельных категорий лиц регулируется не только общими правилами, но и специальными, закрепленными в отдельных главах ТК РФ. В частности, трудовые отношения со спортсменом или с тренером осуществляются в соответствии с нормами главы 54.1 ТК РФ. Труд спортсменов и тренеров не похож на труд обычных работников. Именно поэтому регулирование их трудовой деятельности имеет свои особенности.

Указанные категории работников задействованы в специфической сфере деятельности, связанной со спортом [2, С. 116]. Именно спорт предопределяет необходимость создания самостоятельного механизма регулирования трудовых отношений. Это касается любых условий трудового договора, в том числе связанных с его расторжением. ТК РФ в ст. 348.12 устанавливает особенности такого расторжения. Следует заметить, что прекращение трудовых отношений со спортсменами, с тренерами может принести работодателю большие убытки, ведь в трудовую дея-

тельность данных работников вкладываются, как правило, немалые средства, которые компенсировать достаточно затруднительно. Расторгнуть трудовой договор означает «разорвать» имеющиеся между работниками (спортсменами, тренерами) и работодателем трудовые договоренности. Подобные обстоятельства могут принести вред обеим сторонам договора.

Одной из самых интересных особенностей расторжения трудового договора с рассматриваемой категорией работников является срок, предусмотренный для уведомления работодателя о предстоящем увольнении. По общим правилам трудового законодательства, работник при увольнении по собственному желанию обязан предупредить об указанном событии не позднее чем за 14 дней (две недели) (ст. 80 ТК РФ). Диспозиция нормы не влияет на трудовые отношения с рассматриваемой нами категорией работников: для них устанавливается иной срок предупреждения – 1 месяц. Особенный характер трудовой деятельности предполагает существование в трудовом договоре условий, отличных от общепринятых. Слишком короткий срок предупреждения об увольнении может сыграть отрицательную роль в деятельности работодателя. Несмотря на то, что работники являются менее защищенными субъектами трудовых отношений, работодателям так же должны быть

предоставлены гарантии, обеспечивающие их права.

Срок предупреждения может составлять и более одного месяца, если соответствующие нормы специального законодательства устанавливают для конкретных спортсменов или тренеров ограничения перехода в другой клуб или другую спортивную организацию. Такие ограничения могут касаться спортсменов, тренеров, занятых в следующих спортивных сферах: например, бобслей, гольф, керлинг, плавание, самбо, стрельба из лука, теннис, футбол, шашки и др. Полный перечень утвержден Приказом Минспорта России от 13.12.2019 № 1057 [3]. Увеличенные сроки предупреждения закреплены в ТК РФ неспроста: спортивная деятельность имеет зачастую непостоянный, рискованный характер; эффективность и результативность деятельности конкретной спортивной организации иногда может зависеть от одного или нескольких спортсменов, тренеров и т.д. Все это дает основания для обеспечения защиты прав работодателя, который может в будущем (после ухода спортсмена, тренера) не достичь поставленных целей в спортивных соревнованиях, не получить доход, а потом и вовсе разориться. Во избежание подобных ситуаций работодателю нужен более длительный срок, чтобы, например, начать поиски новых работников.

Еще к числу особенностей расторжения трудового договора можно отнести наличие условия об осуществлении спортсменом выплаты в случае увольнения по собственному желанию без указания уважительной причины. Также такое условие может быть предусмотрено для тех случаев, когда договор расторгается работодателем, но в связи с привлечением спортсмена к дисциплинарной ответственности. Сразу обратим внимание, что данная норма не касается тренеров. Конкретная сумма выплаты устанавливается сторонами трудового договора. При разрешении данного вопроса следует правильно устанавливать уважительность причины расторжения, ведь перечень таких причин в законе отсутствует. Уважительность причин означает объективную невозможность дальней-

шего продолжения трудовых отношений, которая не зависит или в меньшей степени зависит от воли и желания спортсмена. Иной подход означал бы ущемление прав спортсмена, нарушение свободы трудовых отношений. В соответствующих случаях «форс-мажор» в жизнедеятельности спортсменов, влияющий на уважительность причин, никто не отменял.

В теории трудового права к числу таких причин относят, например, потерю футбольным клубом профессионального статуса [4. С. 37]. В судебной практике выделяются другие уважительные причины расторжения трудового договора: к примеру, если увольнение по собственному желанию обусловлено необходимостью ухода за больным членом семьи или же нарушением работодателем трудовых норм [5]. В любом случае уважительность причины должна быть установлена в каждом отдельном случае индивидуально с учетом всех происходящих обстоятельств.

В некоторых локальных актах можно встретить указания на уважительность причин расторжения, а также условия об освобождении спортсмена осуществлять выплату в связи с увольнением по собственному желанию. К примеру, в соответствии со ст. 4 Регламента РФС по статусу и переходам (трансферу) футболистов [6] (далее – Регламент) в случае восстановления у клуба любительского статуса футболист не обязан выплачивать ему компенсацию при увольнении по собственному желанию. Также согласно ст. 11 Регламента к числу уважительных причин расторжения трудового договора по инициативе спортсмена (футболиста, являющегося профессионалом) можно отнести, например, восстановление у него любительского статуса или существенное нарушение трудового договора со стороны работодателя.

Отдельный интерес вызывает перечень оснований, установленных в ст. 348.11 ТК РФ для прекращения трудового договора со спортсменом. К ним относятся дисквалификация (спортивная) сроком от 6 месяцев; нарушение антидопинговых правил, установленное в законном порядке. Однако при привлечении спортсмена к ответ-

ственности может возникнуть трудность, обусловленная коротким сроком привлечения – 6 месяцев со дня совершения. Проблема состоит в том, что сроки, в рамках которых работодатель должен будет принять решение о дисквалификации спортсмена, не установлены ни ТК РФ, ни иными локальными актами. В связи с этим представляется, что работодатель не вправе расторгнуть трудовой договор со спортсменом в случае принятия решения о привлечении к дисциплинарной ответственности за пределами указанного срока.

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 01.03.2023 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 3.
2. Евтых С.А. Деятельностный компонент личностной физической культуры // Материалы научной и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма. 2014. № 1. С. 116-117.
3. Об утверждении перечня видов спорта, для которых общероссийские спортивные федерации по соответствующим виду или видам спорта вправе утверждать нормы, устанавливающие ограничения перехода (условия перехода) отдельных категорий спортсменов, тренеров в другие спортивные клубы или иные физкультурно-спортивные организации: Приказ Минспорта России от 13.12.2019 г. № 1057 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166886/3a53136aa54f9bb06ef597f6777c391b5dc4e18f/
4. Шацкая А. П. Особенности расторжения трудового договора с тренером и спортсменом // Право: современные тенденции: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2018 г.). Краснодар, 2018. С. 36-39.
5. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, возникающим из трудовых правоотношений спортсменов и тренеров: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2015 г. // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370386/
6. Регламент РФС по статусу и переходам (трансферу) футболистов, утв. Постановлением Исполкома Общероссийской общественной организации «Российский футбольный союз» от 05.03.2011 г. № 141/4 // Российский Футбольный Союз. Общероссийская общественная организация. URL: <https://rfs.ru/subject/documents>

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Болокова Д.М. Особенности расторжения трудового договора со спортсменом, с тренером / Д.М. Болокова // Международные конференции. Педагогика и психология. 2023. Т. 2, № 4. С. 9-12.

Сведения об авторе

Болокова Дарина Магомедовна

Студент. 1 курс

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

Краснодар, Россия

ORCID ID: 0009-0004-1926-6455. **E-mail:** bolokovazh@mail.ru

Международные конференции. Педагогика и психология 2023. Т.2, № 4.

Сборник материалов конференций

FEATURES OF TERMINATION OF AN EMPLOYMENT CONTRACT WITH AN ATHLETE, WITH A COACH

Balakova D.M.

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

Krasnodar, Russia

ORCID identification number: 0009-0004-1926-6455. Email address: bolokovazh@mail.ru

Abstract. In this scientific work, an analysis was made of the features of termination of an employment contract with an athlete, with a coach. Such features are due to the specifics of the sports field of activity of the categories of workers under consideration. The study identified some problematic issues that arise when the employment relationship is terminated.

Keywords: athlete; trainer; employment contract; termination of the employment contract; termination of employment relationship.

Поступила в редакцию 14.03.2023. Прошла рецензирование и рекомендована к опубликованию 20.04.2023.

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-NonCommercial» («Атрибуция – Некоммерческое использование») 4.0 Всемирная – <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4>

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Гергунова П.А.

Санкт-Петербургский филиал имени В.Б. Бобкова Российской таможенной академии, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. **ORCID:** 0000-0001-9789-3711, **E-mail:** lina-ivuts@icloud.com

Аннотация. В статье проведен анализ цифровой трансформации спортивной деятельности в Российской Федерации, рассмотрены основные этапы и будущие перспективы развития. На сегодняшний день цифровизация спорта находится на начальном уровне имея высокий потенциал развития.

Актуальность. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена всеобщей цифровизацией государственной деятельности.

Цель. Проанализировать современное состояние цифровизации спортивной отрасли.

Выводы и заключение. Цифровая трансформация спортивной деятельности несмотря на небольшое время прошла довольно большой путь и уже сегодня представляет собой вполне развитую модель с множеством цифровых сервисов, которые упрощают многие аспекты спортивной деятельности и позволяют повысить заинтересованность населения в физической культуре.

Ключевые слова: цифровизация, спортивная деятельность, физическая культуры, цифровая трансформация.

Цифровая культура на сегодняшний день стала неотъемлемой частью любой деятельности, в том числе и спортивной. Национальный проект «Цифровая экономика» стартовал в 2019 г. и дал ощутимый толчок для трансформации всех отраслей и перехода их в цифровую среду.

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена всеобщей цифровизацией государственной деятельности. Цифровизация в целом может рассматриваться как преобразование каких-либо процессов с применением инновационных технологий.

Цифровизация спортивной деятельности рассчитана на внедрение в различных спортивных организациях, как государственных, так и частных, цифровых продуктов и сервисов с целью повышения эффективности тренировок, взаимодействия с людьми для увеличения их заинтересованности профессиональным спортом и привлечения большего количества людей к занятию физической культурой.

На начальных этапах цифровой трансформации физическая культура и спорт значительно отставали от большинства

сфер. Однако на сегодняшний день разрыв удалось несколько сократить, пусть и не до конца.

На первых стадиях внедрения цифровизации спортивной деятельности по данным Министерства спорта Российской Федерации ее уровень достигал лишь порядка 16% [4]. Исходя из этого можно сказать, что уровень цифровизации ничтожно мал, однако положительным в этой связи является то, что присутствует довольно высокий потенциал для дальнейшего роста и развития.

Впоследствии были разработаны ведомственная программа цифровой трансформации и концепция создания государственной информационной системы «Единая цифровая платформа «Физическая культура и спорт»».

Государственная информационная система начала свою работу в апреле 2022 г.

Также, в январе 2022 г. была утверждена концепция развития детско-юношеского спорта до 2030 г. В рамках реализации данной концепции планируется интегрировать ГИС ФКиС и Госуслуги для более

удобной записи детей в организации спортивной подготовки.

В ноябре 2020 г. была утверждена Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации до 2030 г. Президентом Российской Федерации было поручено увеличить долю населения, вовлеченного в спортивную деятельность до 70% [3, 4].

Поскольку абсолютно все сферы человеческой жизни подвергаются цифровой трансформации, Стратегия также не обошла ее стороной. Так, были определены приоритетные направления в данной области [2, 3]:

1. Использование цифровых технологий в управлении спортивными объектами, которые будут обеспечивать комплексные подходы к их доступности, безопасности и управлению.

2. Повышение заинтересованности населения в занятии спортом с помощью различных онлайн-сервисов, мобильных приложений, социальных сетей и т.д.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что в отрасли физической культуры и спорта во главе угла на сегодняшний день стоит проблема клиентоориентированности и клиентоцентричности.

В рамках решения возникшей проблемы уже намечены первые пути ее решения. В марте 2022 г. стартовало проектирование домена «Спорт». В проекте участвуют Министерство спорта Российской Федерации, ФКУ «Государственные технологии», ПАО «Сбербанк», а также государственная корпорация Росатом.

По итогам работы, домен «Спорт» будет представлять собой целевую модель сферы физической культуры и спорта и

позволит перейти в безбумажную среду. Пользователям будет предоставлена возможность доступа к информации о том, где, когда и какие спортивные события будут происходить, в каких местах граждане могут свободно заниматься различными видами массового спорта для сохранения собственного здоровья и повышения уровня физической культуры населения.

Государственным же учреждениям это поможет вести более прозрачную деятельность, в рамках предоставления административной отчетности, и гибко ею управлять.

Осенью того же года было завершено проектирование первой и второй волн домена «Спорт», которые позволили сформировать более 200 цифровых сервисов, однако работа продолжается. С помощью уже введенных в эксплуатацию сервисов можно, например, отслеживать количество и качественный состав объектов спортивной инфраструктуры. В регионе может находиться порядка 7 тыс. бассейнов, хотя для проведения массовых мероприятий подходят лишь 2,5 тыс. В этом плане цифровая трансформация позволяет видеть нагрузку на спортивные объекты и более эффективно организовывать их использование и финансирование.

Таким образом можно сделать вывод о том, что цифровая трансформация спортивной деятельности несмотря на небольшое время прошла довольно большой путь и уже сегодня представляет собой вполне развитую модель с множеством цифровых сервисов, которые упрощают многие аспекты спортивной деятельности и позволяют повысить заинтересованность населения в физической культуре.

Литература

1. Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 25.11.2019 № 971 «Об утверждении концепции цифровизации государственной системы подготовки и управления в сфере физической культуры и спорта Министерства спорта Российской Федерации на период 2019-2024 гг.». — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=617284#jcmxabTcVpeABRCz>.
2. Проект Цифровая экономика РФ // digital.gov.ru. — URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f.

3. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года // docs.cntd.ru. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/566430492>.
4. Цифровизация в спорте: прогнозы, ожидания и реальность // Инвест-Форсайт. – URL: <https://www.if24.ru/tsifrovizatsiya-v-sporte-prognozy-ozhidaniya-i-realnost/>.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гергунова, П. А. Цифровая трансформация спортивной деятельности // Международные конференции. Педагогика и психология. 2023. Т. 2, № 2. С. 13-16.

Сведения об авторе

Гергунова Полина Андреевна

Студент, группа Тс 02/1901, факультет таможенного дела

Санкт-Петербургский филиал имени В.Б. Бобкова Российской таможенной академии

Санкт-Петербург, Российская Федерация. **ORCID:** 0000-0001-9789-3711, **E-mail:** linaivuts@icloud.com

Сведения о руководителе работы

Сергеева Анна Геннадьевна

старший преподаватель кафедры физической подготовки

Санкт-Петербургский филиал имени В.Б. Бобкова Российской таможенной академии

Санкт-Петербург, Российская Федерация.

E-mail: anutasergeeva88mail.ru

INTERNATIONAL CONFERENCES. PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY
2023. vol. 2, no. 2. pp. 13-16.

DIGITAL TRANSFORMATION OF SPORTS ACTIVITIES

Herhunova P.A.

Russian Customs Academy St.-Petersburg branch named after Vladimir Bobkov

Saint Petersburg, Russia. **ORCID:** 0000-0001-9789-3711, **E-mail:** linaivuts@icloud.com

Abstract. The article analyzes the digital transformation of sports activity in the Russian Federation, considers the main stages and future prospects of development. Today, the digitalization of sports is at the initial level with a high potential for development.

Relevance. The relevance of the topic under consideration is due to the universal digitalization of state activity.

Goal. To analyze the current state of digitalization of the sports industry.

Conclusions and conclusion. The digital transformation of sports activity, despite a short time, has come quite a long way and already today represents a well-developed model with many digital services that simplify many aspects of sports activities and allow increasing the interest of the population in physical culture.

Keywords: digitalization, sports activity, physical culture, digital transformation.

References

1. Prikaz Ministerstva sporta Rossiiskoi Federatsii ot 25.11.2019 № 971 «Ob utverzhdenii kontseptsii tsifrovizatsii gosudarstvennoi sistemy podgotovki i upravleniya v sfere fizicheskoi kul'tury i sporta Ministerstva sporta Rossiiskoi Federatsii na period 2019-2024 gg.». Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=617284#jcmxabTcVpeABRCz>, 19.04.2023. (In Russ.).
2. Proekt Tsifrovaya ekonomika RF. Available at: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f, 19.04.2023. (In Russ.).
3. Strategiya razvitiya fizicheskoi kul'tury i sporta v Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/566430492>, 19.04.2023. (In Russ.).
4. Tsifrovizatsiya v sporte: prognozy, ozhidaniya i real'nost' // Invest-Forsait. Available at: <https://www.if24.ru/tsifrovizatsiya-v-sporte-prognozy-ozhidaniya-i-realnost/>, 19.04.2023. (In Russ.).

Information about the author

Herhunova Palina Andreevna

Russian Customs Academy St.-Petersburg branch named after Vladimir Bobkov

Saint Petersburg, Russia. **ORCID:** 0000-0001-9789-3711, **E-mail:** linaivuts@icloud.com

Поступила в редакцию 14.03.2023. Прошла рецензирование и рекомендована к опубликованию 20.04.2023.

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-NonCommercial» («Атрибуция – Некоммерческое использование») 4.0 Всемирная – <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

ИЗУЧЕНИЕ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ МУЖЧИН В МЕТРОПОЛИИ КУМАСИ В ГАНЕ

Ману А.И.

студентка 2 курса бакалавриата направления 37.04.01 «Нейронауки (психология)»

Балтийский государственный университет им. И. Канта

0009-0009-9910-8057. yvonesledge2001@gmail.com

Аннотация. В статье обсуждаются или исследуются основные концепции, связанные с домашним насилием среди жертв мужского пола в мегаполисе Кумаси в Гане. Насилие в семье - распространенная реальность почти во всех обществах, оно происходит среди всех демографических групп, и существует полное понимание этого явления, которое включает в себя обсуждение того, как часто происходит насилие в семье, в каких формах оно происходит и в отношении кого. В этой статье дается определение насилия в отношении мужчин в его различных формах и исследуется литература о последствиях такого насилия для психического здоровья.

Насилие в семье является серьезной социальной проблемой, которая продолжает привлекать внимание государственного и частного секторов, программ вмешательства и лечения, в центре внимания находятся дети.

Актуальность темы обусловлена недостаточной изученностью проблемы насилия в отношении мужчин, практически не изученной в глобальном масштабе. На сегодняшний день не накоплено достаточного материала в области психологии и мужчин-жертв домашнего насилия.

Цель исследования – выявить основную эффективность реагирования системы охраны психического здоровья на преимущественно скрытые комплексные потребности мужчин, страдающих от различных форм/видов домашнего насилия (избиение, побои, изнасилование, преследование, психологическая агрессия и др.), причины домашнего насилия в отношении мужчин и услуги, доступные для жертв мужского пола

Основные выводы исследования заключались в следующем: наиболее распространенными формами домашнего насилия в отношении мужчин в Метрополисе были эмоциональное/психологическое насилие и физическое насилие; Домашнее насилие в отношении мужчин в Метрополисе принимало различные формы, включая пощечины, оскорбления, уничтожение имущества мужчин и проклятия мужчин.

Цель состоит в том, чтобы проанализировать научную литературу по этой теме и обобщить выводы.

В ходе исследования был проанализирован ряд отечественных и зарубежных научных работ, посвященных проблеме домашнего насилия в отношении жертв мужского пола. Обсуждается будущее исследований и важная роль дисциплины нейропсихологии в будущем этой области исследований.

На основании результатов исследования было рекомендовано, в частности, чтобы службы поддержки были доступны для жертв-мужчин, чтобы они могли сообщать, а также обращаться за психологической помощью в отношении их переживаний, которые влияют на их психическое здоровье. Правительство Ганы участвует в финансировании психиатрических учреждений и системы поддержки страны, чтобы они могли эффективно выполнять свои функции, а также взрослых учат уважать права и обязанности всех участников дома как учреждения, чтобы они могли жить. в атмосфере мира и спокойствия для предотвращения любых форм насилия. Мужчины не испытывают эти негативные последствия для психологического здоровья в то же время или в той же степени.

Выводы и заключение. Основные выводы исследования заключались в следующем: наиболее распространенными формами домашнего насилия в отношении мужчин в

Метрополисе были эмоциональное/психологическое насилие и физическое насилие; Домашнее насилие в отношении мужчин в Метрополисе принимало различные формы, включая пощечины, оскорбления, уничтожение имущества мужчин и проклятия мужчин.

Результат исследования имеет теоретическое значение, поскольку показывает, что женщины стремятся к власти в семье. С другой стороны, мужчины находят способы справиться с предполагаемым насилием, демонстрируя свое нежелание уступать власть и авторитет, дарованные им культурой. Это также представляет собой еще один аспект домашнего насилия, которому ганские общины не уделяют должного внимания, а именно жертвы-мужчины.

Ключевые слова: насилие в семье, насилие со стороны интимного партнера, психологическая агрессия, сексуальное насилие, психологическое/эмоциональное насилие, физическое насилие, экономическое/финансовое насилие, посттравматическое стрессовое расстройство.

Введение. В большинстве обществ люди страдают от домашнего насилия, такого как преднамеренные запугивания, нападения и оскорбительное поведение, проистекающие из регулярной модели власти и контроля, которую одни люди совершают по отношению к другим [3]. Чаще всего насилие в семье проявляется в формах физического, сексуального, эмоционально-психологического, экономического насилия, а также ряда других видов насилия. Феномен домашнего насилия является яркой гранью нарушения прав человека [3].

Актуальность. Freeman (1979) [4] утверждает, что дома должны быть наполнены счастьем, безопасностью и комфортом, но когда в домах происходит насилие в семье; эти черты превращаются в страх, стыд, изоляцию и отчаяние. Чаще всего насилие в семье происходит между людьми, имеющими общие отношения или состоящие в интимных отношениях. По данным Всемирной организации здравоохранения [5], жестокое обращение с партнером приводит к телесным повреждениям, смерти, а также вызывает серьезные последствия для психического здоровья жертв, такие как подрыв самооценки, крайняя депрессия/тревога, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), злоупотребление психоактивными веществами и даже акты самоубийства.

Сообщества, регионы и страны во всем мире были поражены проблемой домашнего насилия. Таким образом,

насилие в семье выходит за рамки расы, класса, этнической принадлежности, пола/сексуальной ориентации, религии и прочего [6; 7; 8]. Однако большое внимание к домашнему насилию было направлено на жестокое обращение с женщинами и детьми за счет мужчин. Вопросам домашнего насилия в отношении мужчин практически не уделяется внимания.

Актуальность темы обусловлена недостаточной изученностью проблемы насилия в отношении мужчин, практически не изученной в глобальном масштабе. На сегодняшний день не накоплено достаточного материала в области психологии и мужчин-жертв домашнего насилия.

Цель исследования – выявить основную эффективность реагирования системы охраны психического здоровья на преимущественно скрытые комплексные потребности мужчин, страдающих от различных форм/видов домашнего насилия (избиение, побои, изнасилование, преследование, психологическая агрессия и др.), причины домашнего насилия в отношении мужчин и услуги, доступные для жертв мужского пола

Методологическую основу исследования составляют теоретические подходы к пониманию или изучению домашнего насилия у жертв мужского пола. Это научное направление исследует негативные последствия домашнего насилия для жертв-мужчин, включая психологические дефекты, различные

формы/типы насилия, которым они подвергаются, и услуги, доступные для жертв-мужчин.

Женщины, несмотря на то, что они являются более слабым полом в домашних условиях, обладают властью в доме, что дает им преимущество перед мужчинами в принятии решений по домашним делам.

Эта высшая власть в домашнем хозяйстве, находящаяся в руках женщин, во многих случаях приводит к эксплуатации власти, что проявляется в дискриминации мужчин.

Насилие в семье — это модель оскорбительного поведения со стороны одного или обоих партнеров в интимных отношениях, таких как брак, свидания, семья, друзья или сожительство [1] (Miller, 2005).

Женщины значительно чаще бросают предметы, шлепают, пинают, кусают или бьют кулаком или предметом. Три распространенные причины, по которым женщины называют насилие со стороны мужчин: разрешить спор; реагировать на семейный кризис; и «перестань беспокоить меня». Самооборона — одна из реже упоминаемых женщинами причин нападения [2] Corry, Pizze & Fiebert (2001)

Что области нейропсихологии должны знать о насилии в отношении мужчин

Масштабы насилия в отношении женщин (НОЖ) и детей ощущаются женщинами в Гане и во всем мире, в то время как мужчинам уделяется меньше внимания. В течение десятилетий НОЖ и дети документировались как проблема правовой и социальной справедливости, и жертвы-мужчины не учитывались, но, как показано в этом обзоре, это также является серьезной проблемой для психического здоровья, и мужчины действительно подвергаются различным формам насилия в руках их партнеров, которые, в свою очередь, влияют на более высокие психические функции жертв-мужчин.

Исследования показывают, что насилие со стороны интимного партнера (IPV), преследование, изнасилование и психологическая агрессия сильно влияют

на психическое здоровье женщин. Исследователь указывает, что то же самое или даже хуже для жертв-мужчин, которые подвергаются домашнему насилию или насилию со стороны интимного партнера, и на самом деле большинство форм серьезных неорганических психических расстройств и расстройств были связаны с этими формами насилия.

Мужчины не испытывают эти негативные последствия для психологического здоровья в то же время или в той же степени. Свертка реакций после нападения зависит от множества факторов и еще более усложняется тем фактом, что большинство мужчин, страдающих от насилия, в течение своей жизни сталкиваются с несколькими формами жестокого обращения.

Предоставления клинической помощи или исследования этих клинических явлений недостаточно, нейропсихологи должны сыграть ключевую роль в решении проблемы домашнего насилия и его последствий, когда речь идет о жертвах-мужчинах.

Домашнее насилие в отношении мужчин и виды

Масштабы домашнего насилия в отношении мужчин

Насилие над мужчинами — явление, которое давно преобладает в нашем обществе, но не привлекало внимания.

Социальные, культурные и эмоциональные барьеры в различных обществах не позволяют нам видеть, как мужчины общества становятся жертвами в руках женщин.

В нашем обществе мужчины сталкиваются с различными видами насилия со стороны женщин, начиная от физического насилия и заканчивая психологическим, сексуальным и эмоциональным жестоким обращением.

Во многих странах мужчины считаются главами домохозяйств, которые, как предполагается, характеризуются счастьем, комфортом и безопасностью. Несмотря на это, кажется очевидным, что мужчины страдают от домашнего насилия со стороны своих партнерш, но они не желают сообщать о таких актах. Это

проистекает из того факта, что социокультурные факторы рассматривают мужчин как сильный пол, и, следовательно, мужчина, сообщаящий о таком насилии, будет рассматриваться как слабый или с пренебрежением. Следовательно, многие мужчины в настоящее время становятся жертвами домашнего насилия[9].

Насилие в семье является бигендерной проблемой, поскольку оно касается как женщин, так и мужчин. Однако основное внимание было уделено жестокому обращению с женщинами и детьми из-за распространенного мнения о том, что женщины и дети являются наиболее уязвимыми в обществе. Это связано с тем, что в нескольких исследованиях, в законодательстве штатов и других общественных нормах делается акцент на жестоком обращении с женщинами и детьми в ущерб мужчинам. Однако [10] утверждают, что в Нидерландах мужчины подвергаются физическому и психологическому насилию со стороны своих коллег-женщин, хотя об этих злоупотреблениях часто не сообщается из-за опасений, что соответствующие органы не предпримут никаких действий.

Кроме того, отсутствие эффективного психического здоровья, правовых положений или поддержки насилия в отношении мужчин привело к тому, что несколько злоупотреблений в отношении мужчин остались непризнанными или нераскрытыми из-за страха перед публичными насмешками, смущения и отсутствия социальной поддержки, поскольку общество не в состоянии оценить или поверить в насилие, которое совершают женщины. из мужчин сообщили. Существует также неадекватность литературы о насилии в отношении мужчин, особенно в отношении общественного понимания, восприятия и опыта мужчин-жертв домашнего насилия в Гане. Таким образом, эту пропасть знаний необходимо устранить, и это может быть достигнуто с помощью исследований. Таким образом, в этом исследовании будут изучены и выявлены проблемы мужчин, ставших

жертвами жестокого обращения/насилия со стороны женщин, чтобы исследователь мог получить более глубокое понимание проблемы для извлечения эффективных уроков.

Это исследование основано на наблюдении, сделанном во время моего пребывания с членами большой семьи в многоквартирном доме. Оказывается, исследование изучает и критически исследует природу жестокого обращения с мужчинами со стороны женщин, хотя в идеале определяет формы / типы пережитого насилия, то, как мужчины-жертвы домашнего насилия воспринимают насилие и исследуют их реакцию на жестокое обращение, совершаемое женщинами дома.

Совершенно очевидно, что домашнее насилие в отношении мужчин в мегаполисе Кумаси и в Гане в целом является реальным явлением. На самом деле, это исследование утверждает, что мужчины подвергаются жестокому обращению в различных формах, как естественных, так и неестественных.

Это также означает, что то, как мужчины-жертвы домашнего насилия реагируют на жестокое обращение, обусловлено социокультурными убеждениями общества и страны в целом. Таким образом, это исследование вносит особый вклад в понимание жизненного опыта мужчин, которые находятся в оскорбительных отношениях.

Теоретической основой, на которой основана эта работа, являются Социальные теории насилия в семье, которые, согласно [11], объясняют причину насилия, основанную на необходимости поддерживать и сохранять свою властную позицию и контроль в отношениях. Эта теория основана на идее о том, что семейные конфликты возникают, когда член семьи стремится сохранить свою власть для контроля над противоположными сторонами. Эта сила может иметь как физическую, так и финансовую природу, а также другие обстоятельства, которые продиктованы характером взаимозависимостей, существующих в отношениях.

Вдохновение насильника исходит из власти, которую он или она имеет над другими членами семьи. Таким образом, чем больше власти накапливается, тем более деспотичными или жестокими они могут стать. Поскольку они более могущественны, чем другие члены семьи, они используют «угрозы, силу и насилие», чтобы контролировать других, занимающих менее влиятельное положение.

Из-за этих различий в силе более влиятельный человек может прибегнуть к той или иной форме насилия, стремясь гарантировать, что поведение или поведение других соответствует их собственному. Они диктуют все в отношениях, независимо от того, как это влияет на предпочтения противоположной стороны. Это приводит к контролю, и, следовательно, жертвы могут начать медленно корректировать свое поведение, отказываясь от контроля, чтобы выжить и избежать дальнейшего насилия.

Теория контроля применима к этому исследованию, учитывая, что насилие в семье, совершаемое женщинами, чаще всего происходит, когда женщина или жена занимают властное положение, которое проистекает либо из физической силы, либо из других финансовых обстоятельств. Именно в таких обстоятельствах, когда ощущается перекося власти в пользу женщины, насильственное поведение может быть использовано против мужчины как средство контроля любого нежелательного поведения или поведения.

Причины домашнего насилия в отношении мужчин

Не может быть единого фактора, объясняющего причины домашнего насилия в отношении мужчин. По Дж Гатого [12] причинам, таким как безответственное употребление алкоголя, отказ от обеспечения семьи, бедность, словесные оскорбления, разоренные женщинами, вмешательство родителей в дела, касающиеся их и их личной жизни, особенно с обеих сторон, неверность в браке, брак с женщиной, которые значительно старше своих супругов,

плохое воспитание, дети, обычно несоответствия в вопросах сексуальности, деньгах и/богатстве, занятые супруги или пьяницы, отказывающиеся в определенных супружеских правах, репрессалии против мужчин, которые продолжают избивать своих супругов, и когда мужчины, которые сексуально аморальны, заражают их супруги, которые являются верными женщинами с инфекциями, передающимися половым путем, женщина может жестоко напасть на мужчину, не подозревая об этом, чтобы нанести ему смертельную травму, могут стать причиной домашнего насилия в отношении мужчин.

Типы/формы насилия/жестокое обращения:

Насилие в семье принимает множество форм и видов. Большинство форм не столь очевидны, как физическое насилие, хотя все виды могут быть одинаково разрушительными. Некоторые из них могут даже представлять больший ущерб и нейропсихологические дефекты, но часто упускаются из виду даже самими жертвами.

Основными формами домашнего насилия или жестокого обращения, на которых сосредоточился исследователь, были:

- Физическое насилие
- Домогательство
- Эмоциональное/психологическое насилие
- Финансовые/экономические злоупотребления

Дальнейшее обсуждение этих видов злоупотреблений будет объяснено ниже с примерами, приведенными там, где это необходимо. Некоторые подходы могут соответствовать друг другу. Например, если кто-то подвергается угрозам или травмам со стороны обидчика, это можно классифицировать как эмоциональное насилие, а также физическое насилие.

1. Социальное оскорбление/насилие (акты контроля над поведением, такие как запрет кому-либо видеться с друзьями или семьей, запрет на выход из дома, требование всегда знать, где кто-то

находится, преследование, распространение ложной информации, видео или фотографий без разрешения или принуждение женщин к аборту);

2. Физическое насилие/насилие (шлепки, толчки, толчки, удары, удары ногами, волочение или бросание предметов в кого-либо; удушение, удушение или сжигание кого-либо; применение оружия, опасных химических веществ или веществ против кого-либо; удары ногой или дергание за наружные половые органы);

3. Сексуальное насилие (акты нежелательных сексуальных комментариев или физического контакта; изнасилование с применением физической силы или иным образом по принуждению к сексу; отказ в использовании средств защиты во время секса; сексуальный партнер скрывает свой ВИЧ-статус; половые акты и половые сношения, совершенные на основе чувства не было выбора; или проникновение с предметом против чьей-либо воли);

4. Психологическое/эмоциональное насилие (оскорбления, принижение или унижение наедине или в присутствии других, угрозы быть брошенными, игнорирование или безразличное отношение, запугивания и действия, направленные на запугивание кого-либо, угрозы применения оружия против кого-либо или угрозы причинения вреда кому-либо они заботятся);

5. Экономическое/финансовое насилие (отказ в выделении денег на расходы даже при наличии достаточных финансовых средств; получение денег без просьбы; контроль над имуществом и решения о расходах; повреждение или уничтожение чьего-либо имущества; отказ в праве на работу; принуждение кого-либо к работе против их воли или отказ в еде и других основных потребностях)

Это исследование позволяет сделать вывод о том, что мужчинам трудно и даже неэтично говорить о формах жестокого обращения, с которыми они сталкиваются в руках своих партнеров, и это открытие также подтверждает [3] резолюцию Кука (1997), основанную на его исследовании, о том, что мужчины не сообщают об этом.

домашнее насилие или жестокое обращение, через которые они проходят в руках женщин и все еще остаются в этих отношениях из-за «внутренних оправданий»

Что касается мужчин, ставших жертвами домашнего насилия, выясняется, что домашнее насилие в значительной степени негативно влияет на мужчин и влияет на мужчин физически, психологически, экономически и даже социально, что имеет тенденцию влиять на их высшие психические функции.

По данным этого исследования, наиболее распространенными формами домашнего насилия в отношении мужчин в мегаполисе Кумаси являются эмоциональное/психологическое насилие, физическое насилие и финансовые злоупотребления. Домашнее насилие над мужчинами происходит почти каждый час в течение дня и может произойти с кем угодно, независимо от вашего социального статуса, финансового положения, возраста и т. д., и в любом месте в жилых квартирах, включая дома и офисы партнеров.

Домашнее насилие в отношении мужчин в Метрополисе принимает различные формы, в том числе избиение, пощечины, удары по голове, оскорбления, уничтожение имущества мужчин, проклятия мужчин и голодание мужчин. Среди этих словесных оскорблений самцов самое распространенное.

Наиболее распространенные причины домашнего насилия в отношении мужчин в мегаполисе включают стресс со стороны женщин-партнеров, стремление женщин контролировать своих коллег-мужчин, алкоголизм со стороны женщин-супругов и бедность как мужчин, так и мужчин. коллеги женского пола.

Домашнее насилие в отношении мужчин оказывает негативное влияние на мужчин-жертв. Последствия включают нейropsychологические дефекты, потерю уважения в сообществе, где живет мужчина, чувство стыда, эректильную дисфункцию, алкоголизм, потерю имущества, а иногда и жизни, телесные повреждения и синяки.

Большинство жертв-мужчин, как правило, неохотно сообщают о домашнем насилии в отношении них. Жертвы-мужчины приводят такие причины, как любовь к женщине, стыд за сообщение о

жестоким обращении, наличие достаточной силы, чтобы скрывать насилие, и положение в жизни, чтобы оправдать свое нежелание сообщать о жестоком обращении с ними.

Литература

1. Миллер, С.Л. (2005). Жертвы как правонарушители: парадокс женского насилия в отношениях. Нью-Брансуик, Нью-Джерси: Издательство Университета Рутгерса.
2. Доктор Чарльз Э. Корри, президент Equal Justice Foundation, Inc. 455 Bear Creek Road Colorado Springs, Colorado 80906 Телефон: 719-520-1089!! Факс: 719-328-1588!! Электронная почта: ccorru@pcisys.com . чистый . Проф. Мартин С. Фиберт Факультет психологии Калифорнийского государственного университета Лонг-Бич, Калифорния 90840 Телефон: 562-985-5027!! Факс: 562-985-8004!! Электронная почта: mfiebert@csulb.edu . Эрин Пиззи Квартира 5, 29 Ливан Парк Твикенхэм , Англия TW1 3DH Телефон и факс: 0044 20 8 241 6541 Электронная почта: pizzey@pizzey1.freemove.co.uk
3. Уолтер, Б. (1979). Критика насилия. В «Улице с односторонним движением» и других произведениях. Лондон: NLB, 1–28. Проверено 22 февраля 2022 г.
4. Фриман, MDA (1979). Насилие в доме. Нортгемптоншир : Саксонский дом.
5. Всемирная организация здравоохранения. (2002). Всемирный доклад о насилии и здоровье: резюме. Проверено 01.02.2023. http://www.who.int/violence_injury_prevention/violence/world_report/en/summary_en.pdf.
6. Клири, МТ (2004). Насилие в семье в отношении мужчин и детей: Насилие в семье затрагивает всех. Мит : Аминь.
7. Клири, МТ (2004). Вопросы для мужчин-жертв домашнего насилия. Мит : Аминь.
8. Клири, МТ (2004). Письма Аминь: О мужчинах-жертвах домашнего насилия. Мит : Аминь.
9. Кэри, М. (2010). Мужчины-жертвы домашнего насилия. Цитируется по Shruti Nair, Veena AS atvanaravana & Geetha Desai, 2020. Распространенность и клинические корреляты насилия со стороны интимного партнера (IPV) у женщин с тяжелыми психическими заболеваниями (SMI) , том 52 , август 2020 г., 102131. <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2020.102131>. Получено 21 марта 2023 г. с <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1876201820302422?via%3Dihub> .
10. Drijber , BC, Reijnders , UJ & Ceelen , M. (2013) Мужчины-жертвы домашнего насилия. Журнал семейного насилия , 28(2), стр. 173–178.
11. Хайд-Нолан, М.Э. и Джулиао , Т. (2012). Теоретическая основа семейного насилия . Джонс и Бартлетт Обучение, ООО. Проверено 01.01.2023. образцы-jbrpub.com/9780763780340/80_340_FMxx_FINA_L.pdf .
12. Дж Гатого . Избиение мужчин как новая форма домашнего насилия. Перспектива пастырской заботы в кенийском контексте . DOI: 10.4102/hts.v71i3.2795. Том. 71 № 3 (2015). <https://www.ajol.info/index.php/hts/article/view/119007> Проверено, май 2022 г ..
13. Кук, РВ (1997). Оскорбленные мужчины: скрытая сторона домашнего насилия . Прегер, Вестпорт, Коннектикут. Получено в ноябре 2022 г. с <https://www.proquest.com/scholarly-journals/abused-men-hidden-side-domestic-violence/docview/219757441/se-2>.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ману И.А. Изучение домашнего насилия в отношении мужчин в метрополии Кумаси в Гане / И.А. Ману // Международные конференции. Педагогика и психология. 2023. Т. 2, № 4. С. 17-25.

Сведения об авторе

Ману Ивон Абрафи

студентка 2 курса бакалавриата направления 37.04.01 «Нейронауки (психология)»
Балтийского государственного университета им. И. Канта

ORCID:0009-0009-9910-8057

E-mail: yvonesledge2001@gmail.com.

Сведения о научном руководителе

Реверчук Игорь Васильевич

доктор медицинских наук, профессор

Заведующий кафедрой психиатрии и неврологии Высшей медицинской школы Балтийского государственного университета им. И. Канта

ORCID: 0000-0002-3498-9094, **eLibrary ID:** 14808921 , **E-mail:** IReverchuk@kantiana.ru

INTERNATIONAL CONFERENCES. PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

2023. vol. 2, no. . pp. 17-25.

EXAMINING THE FORMS AND NEUROPSYCHOLOGICAL DEFECTS OF FAMILY VIOLENCE IN THE FAMILIES OF RUSSIA AND GHANA

Manu Ivon Abrafi

2nd year undergraduate student of the direction 37.04.01 "Neuroscience (Psychology)" of the Baltic State University named after I. Kant

ORCID: 0009-0009-9910-8057

E-mail: yvonesledge2001@gmail.com

Abstract

This article examines one of the current problems of modern society - domestic violence in the family. Family violence is also a substantial mental health concern. The neuropsychological phenomena in the area of family violence have not yet been sufficiently studied, which may reduce the effectiveness of prevention and the mental health treatment.

A full understanding of the phenomenon must include discussion of how often it occurs, in what forms, and to whom. This review defines violence in the family in its variant forms and examines the literature on the mental health effects associated with these abuse experiences.

The relevance of the topic is due to the insufficient study of the problem of family violence among male and female in Ghana and Russia considering various forms of abuses and the neuropsychological defects among victims. To date, sufficient material has not been accumulated to make a connection between the forms of violence and the neuropsychological defects.

The purpose of the study is to identify the main forms of family violence and to whom it occurs to, the common mental health defects.

The objectives are to review the scientific literature on this topic and summarize the findings.

In the course of the study, a number of domestic and foreign scientific works devoted to the problem of family violence were analyzed.

It was concluded that male victims of family violence are most of the times unwilling to talk or report their situations to the Department of Social Welfare (DSW) or Support Centers in Ghana and Russia which will enable the victims get support services such as counseling, and home visits to victims.

Likewise, male victims bear the effect of abuse with pain and torment. Unlike women, male victims shy away from letting other people know the cause of injuries they sustained as a result of domestic violence, they sometimes attribute their physical injuries to motor or other forms of accidents rather than exposing their spouses or partners. The psychological and emotional effects of violence on male victims are mostly borne in silence, this could have a more damning consequence on health situation and could result in other conditions such as high blood pressure.

Keywords: domestic/family violence, anxiety, psychological aggression, victims, sexual abuse, depression, physical abuse, perpetrator

Information about the author

Manu Ivon Abrafi

2nd year undergraduate student of the direction 37.04.01 "Neuroscience (Psychology)" of the Baltic State University named after I. Kant. <https://orcid.org/0009-0009-9910-8057>

email address: yvonneshedge2001@gmail.com .

Information about the scientific supervisor

Reverchuk Igor Vasilievich

Doctor of Medical Sciences, Professor; Head of the Department of Psychiatry and Neurology of the Higher Medical School of the I. Kant Baltic State University. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3498-9094> , eLibrary ID: 14808921 , e-mail: IReverchuk@kantiana.ru

Поступила в редакцию 14.04.2023. Прошла рецензирование и рекомендована к опубликованию 20.04.2023.

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-NonCommercial» («Атрибуция – Некоммерческое использование») 4.0 Всемирная – <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

EXAMINING THE FORMS AND NEUROPSYCHOLOGICAL DEFECTS OF FAMILY VIOLENCE IN THE FAMILIES OF RUSSIA AND GHANA

Manu Ivon Abrafi

2nd year undergraduate student of the direction 37.04.01 "Neuroscience (Psychology)" of the Baltic State University named after I. Kant. <https://orcid.org/0009-0009-9910-8057>

email address: yvonesledge2001@gmail.com .

Abstract

This article examines one of the current problems of modern society - domestic violence in the family. Family violence is also a substantial mental health concern. The neuropsychological phenomena in the area of family violence have not yet been sufficiently studied, which may reduce the effectiveness of prevention and the mental health treatment.

A full understanding of the phenomenon must include discussion of how often it occurs, in what forms, and to whom. This review defines violence in the family in its variant forms and examines the literature on the mental health effects associated with these abuse experiences.

The relevance of the topic is due to the insufficient study of the problem of family violence among male and female in Ghana and Russia considering various forms of abuses and the neuropsychological defects among victims. To date, sufficient material has not been accumulated to make a connection between the forms of violence and the neuropsychological defects.

The purpose of the study is to identify the main forms of family violence and to whom it occurs to, the common mental health defects.

The objectives are to review the scientific literature on this topic and summarize the findings.

In the course of the study, a number of domestic and foreign scientific works devoted to the problem of family violence were analyzed.

It was concluded that male victims of family violence are most of the times unwilling to talk or report their situations to the Department of Social Welfare (DSW) or Support Centers in Ghana and Russia which will enable the victims get support services such as counseling, and home visits to victims.

Likewise, male victims bear the effect of abuse with pain and torment. Unlike women, male victims shy away from letting other people know the cause of injuries they sustained as a result of domestic violence, they sometimes attribute their physical injuries to motor or other forms of accidents rather than exposing their spouses or partners. The psychological and emotional effects of violence on male victims are mostly borne in silence, this could have a more damning consequence on health situation and could result in other conditions such as high blood pressure.

Keywords: domestic/family violence, anxiety, psychological aggression, victims, sexual abuse. depression, physical abuse, perpetrator

Introduction

Domestic violence is a prevalent reality in almost all societies across the globe, and it occurs among all demographic groups. While perpetrators and victims of domestic violence can be of either male or female gender, the majority of cases have a male perpetrator and a female victim

The prevalence of partner abuse varies internationally. The World Health Organization multi-country study reported a lifetime preva-

lence of physical and sexual partner abuse ranging between 15% and 71%, with 4–54% respondents disclosing partner abuse in the past year [7].

Some national studies show that up to seventy per cent (70%) of women have experienced either physical or sexual violence from an intimate partner in their lifetime. The prevalence of physical violence within the domestic settings has been highest in Africa, with almost half of the countries of the continent

reporting lifetime prevalence of over forty per cent (40%); the Democratic Republic of Congo having the highest figure of sixty-four per cent (64%) of such cases as at 2007 [8].

Forms of Abuse

Sexual Abuse

With respect to sexual violence, many victims experience shock, fear, agitation, confusion, and social withdrawal immediately postassault [1]. Some may also endure flashbacks, sleeping problems, and emotional **PTSD**: posttraumatic stress disorder detachment are symptoms consistent with PTSD. Indeed, PTSD is the most common mental health sequelae of sexual violence. A recent review of the literature on the psychological impact of sexual assault by Campbell et al. (2009) found that 7%–65% of women with a lifetime history of sexual assault develop PTSD. The study on the low end of the range was an outlier, with most studies reporting rates in the 33%–45% range. In addition to PTSD, the review found that many sexual victimization survivors (13%–51%) meet diagnostic criteria for depression.

Most sexual assault victims develop fear and/or anxiety (73%–82%), and 12%–40% experience generalized anxiety. Approximately 13%–49% of survivors become dependent on alcohol, while 28%–61% may use other illicit substances. It is not uncommon for victims to have suicidal ideation (23%–44%), and 2%–19% may attempt suicide. For most sexual assault survivors, these psychological distress symptoms decline within the first few months postassault, but it is not uncommon for women to continue to experience emotional distress for up to two years postassault [2]. Not all survivors of sexual violence experience these negative psychological health effects to the same extent [3]. Most studies have not found racial/ethnic differences in postassault psychological distress; however, a study of intimate partner sexual assault victims found that Hispanic women had significantly higher levels of PTSD than did African American and Caucasian women [4]. With respect to victims' age, [3] reported that findings have been mixed. Many of the earliest studies on this topic found that older survivors experience increased depression and general trauma, but more recent work sug-

gests no relationship between age and distress. The relationship between education and postassault distress is murky: Some recent studies have found that lower educational levels are associated with higher PTSD and suicidality, but an equivalent number of studies have found no effect of education on distress levels.

Numerous studies have investigated how characteristics of the assault itself impact victims' postassault psychological distress [3]. With respect to victim-offender relationship, most studies have found that experiencing rape perpetrated by a stranger is not associated with differential levels of postrape symptomatology, but some studies have reported that surviving stranger rape was associated with increased PTSD. Sexual assault by a partner has been found to be a significant predictor of PTSD, although when compared to other types of assailants, there was no difference in depression or anxiety. The findings in the literature are equivocal as to whether injury incurred as a result of sexual assault is related to postassault PTSD, depression, and anxiety. Most examinations of postrape distress have not found an effect for weapon use, and results remain mixed as to whether degree of force used contributes to higher postassault distress levels.

Psychological Aggression

Although many articles report that deleterious effects have been identified as a result of being the target of psychological aggression, the subjective nature of the experience, the occurrence of it within interpersonal interactions and relationship contexts, the frequent co-occurrence of physical violence, and problematic measurement all combine to reduce certainty as to the impact of these actions. Although it is highly likely that serious forms of psychological abuse (e.g., higher frequency, longer doses, particular types) would impact women's mental health, this field of inquiry is still significantly hampered by measurement difficulties that limit strong conclusions at this time [5].

When trying to understand the outcome of experiencing psychological abuse, a major consideration is the fact that there are diverse forms of psychological maltreatment with apparently dissimilar aims. For example, based

on[6] framework of major psychological aggression dimensions, causal sequences from the psychological actions to mental health outcomes are typically hypothesized as follows: (a) denigration of one's partner is intended to result in damage to self-esteem/self-concept, likely leading to depression or anxiety; (b) withholding affection and nurturance is aimed at damaging self-esteem but is also a manipulative ploy to produce submissiveness, probably leading to depression, learned helplessness, and/or a passive personality style; (c) threatening actions are intended to frighten/intimidate, thus leading to anxiety, compliance, and passivity; and (d) restriction intends to control the partner's actions, potentially leading to depression, passivity, and lack of sociability.

A review of the outcome literature on psychological abuse to date suggests what is known and not known as to its effects [5]. Lending some support to the above outcome models, the variable most studied—depression—appears to have relatively good support for depressive symptoms occurring with increasing psychological aggression, but studies using clinical levels of depression as a threshold for mental health impact did not show a significant relationship. Also complicating the picture, physical and psychological aggression take turns being the more predictive variable or even the only contributing source for depression. Examining anxiety as an outcome variable has resulted in contradictory findings, although this would not be unexpected considering that some forms of psychological abuse are not intended to produce fright or anxiety, whereas others are used specifically for that purpose (e.g., direct threats to harm/kill the woman). Separating out anxiety as a clinical concept from “fear” regarding one's safety may also clarify when and how these emotional states are impacted by psychological abuse. Mixed results were found for the impact of psychological abuse on self-esteem, although mediating variables seemed important (and therefore encouraging) for understanding this relationship. If one considers physical health outcomes as potentially impacted via the psychological toll of being the victim of psychological abuse, this relationship still requires disentangling through the

establishment of medical/psychological models that can be tested to explain why certain health problems are associated with physical versus psychological aggression and what would mediate/moderate these relationships. Other mental health symptoms that could be investigated further as outcome variables, but do not have enough corroboration in the research literature to form conclusions, are guilt/shame, substance use/abuse, stress, cognitive impairment, and personality traits.

Physical Abuse

Physical abuse is the most common form of domestic violence. According to [13] physical abuse is common between both male and females, but females sustain more injuries compared to males. Also, females are as violent as males.

According to [14] “physical abuse involves specific acts or threats to commit acts such as physical assault or the use of physical force against another person including the forcible confinement or detention of another person and the deprivation of another person's access to adequate food, water, clothing, shelter, rest, or subjecting another person to torture or other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment”.

Again the World Health Organization reports on domestic violence show that women record high numbers of physical abuse [15] but [16] estimate that a lot of women use weapons to attack their partners. Findings By [16] do not give any account as to whether women are more violent than men, yet establish the fact that women also use weapons to attack their partners, which is not legally and socially accepted.

Males who experienced physical abuse from their partners may lose their masculine nature, and may come out fearing their partners. In some cases, this may harm the man for long time since he has to stay with the perpetrator and cannot break the silence. Some suffered various degrees of burns on their body or had been hit with heavy weapons. The researchers made it clear that male victims hardly report their partner for their misconducts.

Theory and Literature Review

This paper was anchored on the social change theory on domestic violence as es-

poused in [9, 10, 11] . The theory assumes that members of the family will resort to violence to obtain their goals for as long as what is to be gained outweighs the cost. This implies that within the family, each and every one has personal desires he or she would wish for, hence, the opposite spouse serves as a stumbling block to achieving such needs.

[10] is of the opinion that, the key assumptions of the exchange perspective are that social behavior is a series of exchanges and in the course of these exchanges individuals attempt to maximize their rewards and minimize their costs. The social exchange theory further assumes that women are victims and men are perpetrators of domestic violence. In this paper, the author challenges this proposition and argues that men are not only perpetrators but could be victims, too. Contrary to the opinion of the proponents of this theory that women would resort to violent acts in order to make the male partner succumb to their desires, there could be instances of unprovoked attacks on men by their female spouses.

violence against men is real. Just like women, men suffer physical, emotional and psychological abuse within the domestic set up.[8] echoed the notion that men victims bear the effects of violence in silence, which consequently give them emotional and psychological stresses, these short-term effects, could, in the long run, have far-reaching health consequences such as depression, cardiac attacks, and other mental illnesses.

[12] is of the opinion that societal perceptions are likely to perpetuate the common assumption that women are always victims and, implicitly, that men are the main perpetrators of such violence. Because of this misconception, male victims are mostly constrained to take up a position of the victim that would warrant the right to justice. Invariably, social prejudice dampens the ability of men to report cases of domestic violence. Also, [12] stated that the police are regularly accused by 'abused men' of ignoring male abuse and favoring women during domestic call-outs and investigations. The apathy of the police towards male victims discourages the latter from presenting themselves as victims who

seek justice and to even seek neuropsychological assistance.

Common Mental Health Defects

Mental health complications associated with family violence are frequently documented irrespective of the type of violence experienced. Across populations of men and women experiencing IPV, sexual abuse, psychological abuse/aggression, emotional abuse, physical abuse, economical/financial abuse and social abuse, Anxiety, PTSD, Depression, Substance use disorders among others have been identified as occurring and most likely caused by these experiences. Particularly for the first

All these disorder have been identified as a potential of mental health outcome.

Conclusion

The above discussions indicate that male victims of family violence are most of the times unwilling to talk or report their situations to the Department of Social Welfare (DSW) or Support Centers in Ghana and Russia which will enable victims gain support services such as counseling, and home visits to victims.

It is also, important to state that the reason law enforcement agencies do not take male victims seriously is partly as a result of the perceived notion that men, because of their position in the family are perpetrators, while women and children are victims. Therefore, any man who reports abuse case to the police and other institutions is seen as a coward who is unable to take care of his family.

Likewise, male victims bear the effect of abuse with pain and torment. Unlike women, male victims shy away from letting other people know the cause of injuries they sustained as a result of domestic violence, they sometimes attribute their physical injuries to motor or other forms of accidents rather than exposing their spouses or partners. The psychological and emotional effects of violence on male victims are mostly borne in silence, this could have a more damning consequence on health situation and could result in other conditions such as high blood pressure.

Recommendation

This author recommends that a well thought through public sensitization activities aimed re-orienting people to change their atti-

tudes towards victims of family violence, most especially male victims and this could be a good step forward to enhance confidence among male/female victims in both countries and bring about attitudinal change to defeat social stereotypes, especially, the prejudice that perceives men as the perpetrators and not as victims of violence. Such sensitization could take the form of workshops.

Literature Gap

Future research will be necessary to determine whether omissions of behavior or extremely subtle actions can be reliably meas-

ured as a form of psychological abuse, whether a pattern or more frequent occurrence would be required or particular behaviors to reach a threshold of "abuse," which component of psychological aggression would be weighted more heavily if data conflicted, whether problematic relationship behavior can be distinguished from actions considered abusive, and whether the presence of psychological abuse in combination with other forms of family violence qualitatively changes its impact.

References

1. Herman, J. L. (1992). Trauma and recovery. Basic Books/Hachette Book Group. Retrieved on 22nd May, 2022. <https://psycnet.apa.org/record/1992-97643-000>
2. Koss, M. P., & Figueredo, A. J. (2004). Cognitive mediation of rape's mental health impact: Constructive replication of a cross-sectional model in longitudinal data. *Psychology of Women Quarterly*, 28(4), 273–286. <https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.2004.00145.x>
3. Mary Ann Campbell University of New Brunswick. Sheila French, Paul Gendreau Lethbridge College. The Prediction of Violence in Adult Offenders A Meta-Analytic Comparison of Instruments and Methods of Assessment May 2009. *Criminal Justice and Behavior* 36(6):567-590, DOI:10.1177/0093854809333610. Accessed, January, 2023 from https://www.researchgate.net/publication/242132227_The_Prediction_of_Violence_in_Adult_Offenders_A_Meta
4. Judith McFarlane, Ann Malecha, Texas Woman's University, Julia Gist, Kathleen B Watson, Centers for Disease Control and Prevention. Intimate partner sexual assault against women and associated victim substance use, suicidality, and risk factors for femicide, December 2005. *Issues in Mental Health Nursing* 26(9):953-67 DOI:10.1080/01612840500248262. Retrieved December, 2022 from https://www.researchgate.net/publication/7560905_Intimate_partner_sexual_assault_against_women_and_associated_victim_substance_use_suicidality_and_risk_factors_for_femicide
5. Diane Follingstad, University of Kentucky. Rethinking Current Approaches to Psychological Abuse: Conceptual and Methodological Issues. July 2007, *Aggression and Violent Behavior* 12(4):439-458. DOI:10.1016/j.avb.2006.07.004. Accessed in 2022
6. O'Leary, K. D., & Maiuro, R. D. (Eds.). (2001). Psychological abuse in violent domestic relations. Springer Publishing Company. Accessed, January, 2023 <https://psycnet.apa.org/record/2001-16585-000>
7. Ellsberg M, Jansen HA, Heise L, Watts CH, Garcia-Moreno C. Intimate partner violence and women's physical and mental health in the WHO multi-country study on women's health and domestic violence: an observational study. *Lancet* 2008;371: 1165–72. Retrieved, from <https://academic.oup.com/fampra/article/27/6/625/494783> on 09 November 2022
8. Adebayo, A. (2014). Domestic Violence Against Men: Balancing the Gender Issues in Nigeria. *American Journal of Sociological Research*, 4(1), 14-19.
9. Blau, P. (2017). Exchange and Power in Social Life. Routledge.
10. Homans, G.C. (1961). Social behavior
11. Kelley, H.H. & Michela, J.L. (1980). Attribution Theory and Research. *Annual Review of Psychology*, 31 (1), 457-501.
12. Joselyn, S. (2011). Men's experience of violence and abuse from a female Partner: Power, masculinity and institutional system. (Doctoral Research). University of East London, Stratford Campus.

13. Swan, S., Gambone, L., Caldwell, J., Sullivan, T., & Snow, D. (2008, June). A review of research on women's use of violence with male intimate partners. *Violence & Victims*, 23(3), 301-314.
14. Domestic violence act. (2007) act 732. government printer. assembly press, accra. gpc/ai47/300/4/2007
15. WHO (2012). Understanding and addressing violence against women, www.paho.org
- Henning, K., & Feder, L. (2004). A comparison between men and women arrested for domestic violence: Who presents the greater threat? *Journal of Family Violence*, 19(2), 69-80.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Manu I.A. Examining the forms and neuropsychological defects of family violence in the families of Russia and Ghana / I.A. Manu // Международные конференции. Педагогика и психология. 2023. Т. 2, № 4. С. 26-32.

Сведения об авторе

Manu Ivan Abrafikov

2nd year undergraduate student of the direction 37.04.01 "Neuroscience (Psychology)" of the Baltic State University named after I. Kant

Identification number: 0009-0009-9910-8057

Email address: yvonesledge2001@gmail.com .

Information about the scientific supervisor

Reverchuk Igor Vasilyevich

Doctor of Medical Sciences, Professor

Head of the Department of Psychiatry and Neurology of the Higher Medical School of the Baltic State University named after I. Kant

ORCID: 0000-0002-3498-9094, electronic library ID: 14808921 , e-mail: IReverchuk@kantiana.ru

INTERNATIONAL CONFERENCES. PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

2023. vol. 2, no. 4. pp. 26-32.

ИЗУЧЕНИЕ ФОРМ И НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДЕФЕКТОВ СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ В СЕМЬЯХ РОССИИ И ГАНЫ

Ивон Абрафи Ману

студент 2 курса бакалавриата направления 37.04.01 "Неврология (психология)" Балтийского государственного университета имени И. Канта.

ORCID: 0009-0009-9910-8057

E-mail: yvonesledge2001@gmail.com .

В данной статье рассматривается одна из актуальных проблем современного общества - бытовое насилие в семье. Насилие в семье также является серьезной проблемой для психического здоровья. Нейропсихологические явления в области насилия в семье еще недостаточно

изучены, что может снизить эффективность профилактики и лечения психических расстройств.

Ключевые слова: домашнее насилие, тревога, психологическая агрессия, жертвы, сексуальное насилие. депрессия, физическое насилие, преступник

Поступила в редакцию 14.04.2023. Прошла рецензирование и рекомендована к опубликованию 20.04.2023.

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-NonCommercial» («Атрибуция – Некоммерческое использование») 4.0 Всемирная – <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

ПСИХОСОМАТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СНИЖЕНИЯ ЗРЕНИЯ

Т.О. Руденко

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия,
<https://orcid.org/0000-0001-8184-6259>,
eLibrary ID: 19221125, e-mail: imlu@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные концепции, связанные с возникновением психосоматических заболеваний органов зрения. Психосоматические явления в этой области еще недостаточно изучены, что может снижать эффективность профилактики и лечения. В работе уделяется внимание психоаналитическим, характерологически-ориентированным и психофизиологическим концепциям, а также теориям, связанным с особенностями развития человека. Подчеркивается важность психофизического баланса для предотвращения психосоматических расстройств и отмечается необходимость проведения более глубоких психологических исследований.

Актуальность темы обусловлена недостаточной изученностью проблемы психосоматических предпосылок заболеваний органов зрения, тогда как число людей с различными нарушениями зрения постепенно растет.

К настоящему времени не накоплен достаточный материал, позволяющий провести связь между психосоматическими факторами и заболеваниями зрения. Цель исследования – выявить основные психосоматические причины, приводящие к снижению зрения. Задачи состоят в обзоре научной литературы по этой теме и обобщении выводов.

В ходе исследования был проанализирован ряд отечественных и зарубежных научных работ, посвященных проблеме психосоматики и заболеваний органов зрения.

Сделан вывод, что причинами возникновения психосоматических нарушений могут быть как внешние факторы, так и внутренние эмоциональные состояния. Для предотвращения и лечения данных нарушений необходимо учитывать их механизмы и индивидуальные особенности пациента.

Сейчас, тем не менее, нет достаточного теоретического и практического материала, который бы помог выявить взаимосвязь между определенными психологическими проблемами и заболеваниями зрения. Таким образом, психосоматические факторы нарушения зрения требуют дальнейших исследований.

Ключевые слова: психосоматика, нарушения зрения, офтальмология, заболевания зрения, миопия.

Введение. Статья посвящена концепциям, связанным с возникновением психосоматических заболеваний органов зрения. Поскольку психосоматические явления в этой области еще недостаточно изучены, эффективность профилактики и лечения может быть недостаточно высокой. В ходе исследования был проанализирован ряд научных работ с целью выявить, какие психосоматические факторы рассматриваются в качестве основных предпосылок снижения зрения. Были рассмотрены психоаналитические, характерологически-ориентированные и психофизиологические

концепции, а также теории, связанные с особенностями развития человека.

Актуальность. В настоящее время снижения зрения является распространенной проблемой, которая встречается не только у людей зрелого возраста, но также у детей и молодежи. Среди нарушений зрительных функций, наблюдаемых у взрослых и детей, близорукость (миопия) является наиболее распространенным. Более того, за последнее десятилетие число людей с этим нарушением зрения заметно выросло. Другими распространенными болезнями глаз явля-

ются дальнозоркость, катаракта, астигматизм и глаукома [10; 19].

Сейчас есть основания полагать, что снижение зрения в ряде случаев имеет психосоматические факторы, однако не накоплен достаточный материал, который позволил бы установить, как именно различные глубинные причины взаимодействуют между собой в каждом конкретном случае, приводя к тем или иным нарушениям зрения.

Методологическую основу статьи составляют теоретические подходы к пониманию психосоматики. Научное направление исследует заболевания, вызванные эмоциональным напряжением, изучает взаимосвязь перенесенного стресса и заболеваний, имеющих психогенную природу, а также рассматривает влияние особенностей поведения и характера на склонность к тем или иным соматическим заболеваниям [7; 9]. Для того чтобы выявить основные психосоматические предпосылки снижения зрения, был проанализирован ряд исследований, посвященных психосоматике в целом и психосоматике заболеваний органов зрения.

Современные представления о биопсихосоциальной природе болезней соответствуют положениям, высказанным еще в середине прошлого века. Тогда указывалось, что на возникновение и развитие любого соматического заболевания влияет ряд факторов: психологических, социальных, а также соматического характера. Следовательно, неправомерно разделять болезни на психические и соматические, так как болезнь представляет собой более сложный процесс, имеющий в себе, помимо физиологической, также и психологическую составляющую. Это указывает на необходимость в том числе и психотерапевтического лечения [1; 7].

Существуют многочисленные факторы, которые могут привести к психосоматическим расстройствам, такие как психологические, физиологические и социальные. Некоторые исследователи указывают на необходимость изучения не только психологических и социальных факторов, но также и культурных [13].

В настоящее время психосоматические расстройства рассматриваются как проявление психических нарушений, нашедших свое отражение на физическом уровне, а также – психических расстройств, вызванных физиологическими заболеваниями, на развитие которых повлияли психогенные причины [8].

Причины психосоматических нарушений могут быть внутренними (эндогенными) и внешними (экзогенными) по отношению к организму. Среди физиологических предпосылок психосоматических заболеваний выделяют нейрофизиологические, связанные с процессами в коре головного мозга, а также причины, связанные с сегментарно-рефлекторным аппаратом и другие [8; 17].

Психосоматические изменения связаны с физиологическими особенностями реакции на стресс. В основе психосоматических заболеваний лежат: физиологическая реакция, вызванная эмоциями, тоническое мышечное напряжение, вызванное стрессом, и негативное рефлекторное влияние, то есть переживание неприятных эмоций и физических ощущений в ответ на определенный стимул. Напряжение мышц, которое не исчезает длительное время, может привести к появлению различных психогенных синдромов и дискомфорта. Это состояние, называемое «застоем» мышечного напряжения, является одним из механизмов, которые могут привести к возникновению психосоматических заболеваний. [9; 15]. Психосоматическое нарушение можно определить как следствие общего неспецифического адаптационного синдрома, тогда как болезнь связана с изменениями внутри организма [1].

Существует много концепций, которые можно условно разделить на несколько групп. Одна из них – психоаналитические концепции. Согласно этим теориям, конфликты на уровне личности находят свое отражение на физиологическом уровне. Еще одна группа – характерологически-ориентированные концепции. Они пытаются объяснить особенности возникновения психосоматических заболеваний через особенности личности [9]. Существуют также психофизиологические теории и

теории, связанные с особенностями развития человека.

К этой группе относятся также нейрогуморальные теории, которые объясняют взаимодействие между нервной и эндокринной системами организма в контексте психических процессов и заболеваний. Они предполагают, что психологические факторы, такие как стресс, могут вызывать изменения в функционировании нервной и эндокринной систем, что в свою очередь может привести к возникновению различных психосоматических заболеваний [2].

Помимо концепций, согласно которым неотреагированные отрицательные эмоции могут быть основой для развития психосоматических нарушений, существуют и другие, связывающие развитие заболеваний с трудностями в идентификации эмоций. Наконец, существуют теории, которые рассматривают психологические и соматические факторы как комплекс взаимосвязанных причин, приводящих к болезни [1; 9]. Таким образом, психосоматика призвана выявлять механизмы возникновения каждого заболевания [8; 11].

Существуют научные исследования, показывающие что в основе психосоматических заболеваний могут лежать различные психологические факторы, включая дистресс. Так, в одном из исследований было установлено, что среди обследуемых людей с нарушениями зрения психологический дистресс присутствовал в ста процентах случаев, при этом у большинства людей были обнаружены психосоматические заболевания и других органов. Несмотря на то, что причины дистресса не были обнаружены, были сделаны выводы, что нарушения зрения предупреждают о присутствии внутреннего конфликта, что требует дальнейших психологических исследований [17; 18].

Необходимо отметить, что психосоматические проблемы могут быть связаны с принятием себя, сложностями в отношениях с родителями или другими людьми, неудовлетворенностью социальным положением. В качестве причин можно рассматривать так называемые вторичные выгоды, которые человек получает от болезни, даже если их не осознает. Это может

быть возможность получать сочувствие и внимание от близких, чувствовать свою исключительность, снять с себя некие обязательства, отказаться от занятий или отношений, вызывающих дискомфорт или неудовлетворенность [8; 10].

Предполагается, что заболевания зрения могут являться следствием стремления нервной системы компенсировать психологический дискомфорт. Так, миопия может быть следствием неспособности самостоятельно справиться с проблемами. Одной из основных причин, указываемых в связи со снижением зрения, также является подсознательное нежелание замечать определенные события. Такое поведение связывают с особенностями взгляда на жизнь, которые могут быть причиной заболевания глаз [3].

Некоторые исследователи отмечают, что люди с миопией выражают нежелание рассматривать точки зрения, отличные от их собственных. Предполагается, что основная причина такого поведения заключается в том, что человек не желает видеть себя настоящим и не признает свои ошибки [11]. Кроме того, люди с близорукостью часто склонны осуждать других, так как слишком идеализируют себя. В таких случаях близорукость возникает как форма самозащиты от проблем, с которыми человек не может справиться сам [10].

Также замечено, что люди, страдающие от миопии, часто слишком заиклены на себе или ближайшем окружении. Они также с трудом могут делать прогнозы на будущее и строить планы на длительный срок [17]. Уже выявлена связь между наличием у пациентов определенных психологических особенностей и развитием глаукомы, но для того, чтобы убедительно доказать эту связь, требуются дополнительные исследования [6].

Таким образом, в результате анализа научных источников было установлено, что причинами возникновения психосоматических нарушений могут быть, помимо причин соматического характера, также внешние – социальные и культурные – факторы и внутренние эмоциональные состояния. Таким образом, помимо соматических причин снижения зрения, суще-

ствуют и психологические. В их число предположительно входят:

- неприятие человеком себя, недовольство собой,
- нежелание видеть что-то в себе или в своем окружении,
- очень большая сосредоточенность на себе и своем ближайшем окружении,
- неприятие точек зрения, отличных от его собственных,
- страх перед будущим,
- вторичные выгоды.

Для предотвращения и лечения заболеваний глаз необходимо учитывать их механизмы и индивидуальные особенности пациента.

Литература

1. Александер Ф. Психосоматическая медицина: Принципы и применение. - М.: Прогресс-Культура, 2014. 336 с.
2. Аракелов Г.Г. Стресс и его механизмы / Г.Г. Аракелов // Вестник Московского ун-та. Сер.14. Психология. 1995. №4. С. 54-62.
3. Афанасьева А.В. Медицинский психолог и психосоматический пациент. URL: <https://www.b17.ru/article/21111/>.
4. Бодров В.А. Психологический стресс: к проблеме его преодоления / В.А. Бодров // Проблемы психологии и эргономики. Тверь. 2001. №4. С. 43-52.
5. Бодров В.А. Психолого-физиологические механизмы развития функциональной напряженности, перенапряжения и переутомления / В.А. Бодров // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. Тверь. 2012. № 1. С. 12-19.
6. Волчегорский И.А. Использование русскоязычной версии опросника RNQ-9 для оценки аффективных нарушений у больных первичной открытоугольной глаукомой / И.А. Волчегорский, Е.В. Тур, О.В. Соляникова и др. // Уральский медицинский журнал. 2012. №1 (93). С. 50-57
7. Елисеев, Ю.Ю. Психосоматические заболевания (справочник) [Текст] / Ю.Ю. Елисеев. М.: АСТ, 2008. 608 с.
8. Исаев Р.Н. Психологический стресс и психосоматические расстройства в детском возрасте. Лекции. СПб.: изд-во ППМИ, 2014.
9. Малкина-Пых, И.Г. Психосоматика: Справочник практического психолога [Текст] / И.Г. Малкина-Пых. М.: Эксмо, 2005. 992 с.
10. Осипова И.В. Влияние психосоциального стресса на факторы риска сердечно-сосудистых заболеваний у мужчин / И.В. Осипова, Н.В. Пырикова, О.Н. Антропова и др. // Кардиология. 2014. №3. С. 42-45.
11. Решетова П.С. Влияние стресса на снижение зрения / П.С. Решетова, П.А. Семёнов, И.И. Соболева // Вестник совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. 2016. Т.4. №3 (14). С. 78-82.
12. Соболева Е.В. Обучение стратегиям совпадающего поведения / Е.В. Соболева, О.А. Шумакова // Материалы международной научно-практической конференции "Медицинская помощь при тяжелой термической травме (Уроки ашинской катастрофы 1989 года)". 2014. С. 105-108.
13. Фролова, Ю.Г. Концепции здоровья в психологической науке и практике. / Ю.Г. Фролова // Веснік БДУ. Серыя 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2007. № 1. С. 71-76.

Однако на сегодняшний день все еще не установлено, как именно в каждом конкретном случае взаимодействуют между собой психологические, физиологические и социальные факторы. Также не выявлено, какие из перечисленных выше психологических факторов действительно оказывают существенное влияние на развитие заболеваний органов зрения. Поиск таких закономерностей для каждого из заболеваний требует дальнейших исследований, так как позволит разработать более эффективную профилактику снижения зрения, а возможно, также поспособствует сокращению числа случаев заболеваний глаз в будущем.

14. Шевченко Д.Д. Тревожность как фактор развития психосоматических симптомов // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. 2020. С. 326-335.
15. Шумакова О.А. Сущность и особенности базовой культуры взаимодействия психолога образования с родителями / О.А. Шумакова // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2011. №3 (17). С. 92-94.
16. Щербатых Ю.В. Психология стресса и методы коррекции / Ю.В. Щербатых. СПб.: "Питер", 2006. 256 с.
17. Arntz A., Ibañez C., Covarrubias T. Unexplained ocular and visual symptoms: The need for a psychosomatic approach in Ophthalmology // Archivos de la Sociedad Española de Oftalmología (English Edition), Volume 94, Issue 12, December 2019, Pages 575-578
18. Mark JR, Kulinich AG, Scher LM, Mannis MJ. Vision loss and psychopathology. Pan Am J Ophthalmol 2021;3:7
19. WHO Global Data on Visual Impairment. URL: www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/blindness-and-visual-impairment.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Руденко Т.О. Психосоматические предпосылки снижения зрения / Т.О. Руденко // Международные конференции. Педагогика и психология. 2023. Т. 2, № 2. С. 33-39.

Сведения об авторе

Руденко Татьяна Олеговна

магистрант 2 курса направления 37.04.01 «Нейронауки (психология)», Балтийский государственный университет имени Иммануила Канта. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8184-6259>, eLibrary ID: 19221125, e-mail: imlu@mail.ru.

Информация о научном руководителе

Реверчук Игорь Васильевич

доктор медицинских наук, профессор; заведующий кафедрой психиатрии и нейронаук Высшей медицинской школы Балтийского государственного университета имени Иммануила Канта. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3498-9094>, eLibrary ID: 14808921, e-mail: IReverchuk@kantiana.ru.

INTERNATIONAL CONFERENCES. PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

2023. vol. 2, no. 2. pp. 33-39.

PSYCHOSOMATICS OF THE EYE DISEASES

Rudenko T.O.

2d year master student, 37.04.01 'Neuroscience (Psychology)', Immanuel Kant Baltic Federal University. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8184-6259>, eLibrary ID: 19221125, e-mail: imlu@mail.ru.

Abstract. The article discusses the main concepts associated with the occurrence of psychosomatic diseases related to the eyes. Psychosomatic phenomena in this area have not yet been sufficiently studied, which may reduce the effectiveness of prevention and treatment. The work focuses on psychoanalytic, characterologically oriented and psychophysiological concepts, as well as

theories related to the peculiarities of human development. The importance of psychophysical balance for the prevention of psychosomatic disorders is emphasized and the need for conducting more profound psychological studies is acknowledged.

The importance of the topic stems from the inadequate research on the issue of psychosomatic factors in ocular disease, while the number of people with various visual impairments is gradually growing.

To date, sufficient material has not been accumulated to make a connection between psychosomatic factors and visual diseases. The aim of the research is to pinpoint the primary psychosomatic factors that result in loss of vision. The objectives are to review the scientific literature on this topic and summarize the findings.

In the course of the study, a number of national and international scientific publications were examined in regards to the matter of psychosomatics and visual organ diseases.

It has been established that psychosomatic disorders can be caused by both external factors and internal emotional states. In order to prevent and treat these disorders, it is important to consider their mechanisms and the specific characteristics of each patient.

Now, however, there is not enough theoretical and practical material that would help to identify the relationship between certain psychological problems and visual diseases. Thus, psychosomatic factors of visual impairment require further research.

Keywords: psychosomatics, visual impairment, ophthalmology, visual diseases, myopia.

References

1. Aleksander F. Psikhosomaticheskaya meditsina: Printsipy i primeneniye. [Psychosomatic Medicine: Principles and Applications]. M.: Progress-Kul'tura, 2014. 336 s. (In Russ.).
2. Arakelov G.G. Stress i yego mekhanizmy [Stress and its mechanisms]. / G.G. Arakelov // Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser.14. Psikhologiya. 1995. №4. S. 54-62. (In Russ.).
3. Afanas'yeva A.V. Meditsinskiy psikholog i psikhosomaticheskii patsiyent. [Medical psychologist and psychosomatic patient]. URL: <https://www.b17.ru/article/21111/>, accessed 14.04.2020 (In Russ.).
4. Bodrov V.A. Psikhologicheskii stress: k probleme yego preodoleniya [Psychological stress: to the problem of its overcoming]. / V.A. Bodrov // Problemy psikhologii i ergonomiki. Tver'. 2001. №4. S. 43-52. (In Russ.).
5. Bodrov V.A. Psikhologo-fiziologicheskiiye mekhanizmy razvitiya funktsional'noy napryazhenosti, perenapryazheniya i pereutomleniya [Psychological and physiological mechanisms of development of functional tension, overstrain and overwork] / V.A. Bodrov // Chelovecheskiy faktor: problemy psikhologii i ergonomiki. Tver'. 2012. № 1. S. 12-19. (In Russ.).
6. Volchegorskiy I.A. Ispol'zovaniye russkoyazychnoy versii oprosnika PHQ-9 dlya otsenki affektivnykh narusheniy u bol'nykh pervichnoy otkrytougol'noy glaukomoy [Using the Russian version of the PHQ-9 questionnaire to assess affective disorders in patients with primary open-angle glaucoma] / I.A. Volchegorskiy, Ye.V. Tur, O.V. Solyannikova i dr. // Ural'skiy meditsinskiy zhurnal. 2012. №1 (93). S. 50-57 (In Russ.).
7. Yeliseyev, YU.YU. Psikhosomaticheskiiye zabolevaniya (spravochnik) [Tekst] [Psychosomatic diseases (reference book)] / YU.YU. Yeliseyev. M.: AST, 2008. 608 s. (In Russ.).
8. Isayev R.N. Psikhologicheskii stress i psikhosomaticheskiiye rasstroystva v detskom vozraste. Lektsii. [Psychological stress and psychosomatic disorders in childhood. Lectures.]. SPb.: izd-vo PPMI, 2014. (In Russ.).
9. Malkina-Pykh, I.G. Psikhosomatika: Spravochnik prakticheskogo psikhologa [Psychosomatics: Handbook of a Practical Psychologist [Tekst]] / I.G. Malkina-Pykh. M.: Eksmo, 2005. 992 s. (In Russ.).
10. Osipova I.V. Vliyaniye psikhosotsial'nogo stressa na faktory riska serdechno-sosudistyykh zabolevaniy u muzhchin [Influence of psychosocial stress on risk factors for cardiovascular diseases

- in men] / I.V. Osipova, N.V. Pyrikova, O.N. Antropova i dr. // Kardiologiya. 2014. №3. S. 42-45. (In Russ.).
11. Reshetova P.S. Vliyaniye stressa na snizheniye zreniya [Influence of stress on vision loss] / P.S. Reshetova, P.A. Semonov, I.I. Soboleva // Vestnik soveta molodykh uchonykh i spetsialistov Chelyabinskoy oblasti. 2016. T.4. №3 (14). S. 78-82. (In Russ.).
12. Soboleva Ye.V. Obucheniye strategiyam sovpadayushchego povedeniya [Teaching strategies of coinciding behavior] / Ye.V. Soboleva, O.A. Shumakova // Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Meditinskaya pomoshch' pri tyazheloy termicheskoy travme (Uroki ashinskoy katastrofy 1989 goda)". 2014. S. 105-108. (In Russ.).
13. Frolova, YU.G. Kontseptsii zdorov'ya v psikhologicheskoy nauke i praktike. [Concepts of health in psychological science and practice] / YU.G. Frolova // Vesnik BDU. Seryya 3. Gistoryya. Filosofiya. Psikhologiya. Palitalogiya. Satsiyalogiya. Ekanomika. Prava. 2007. № 1. S. 71-76. (In Russ.).
14. Shevchenko D.D. Trevozhnost' kak faktor razvitiya psikhosomaticeskikh simptomov [Anxiety as a factor in the development of psychosomatic symptoms] // Psikhologiya i pedagogika v Krymu: puti razvitiya. 2020. S. 326-335. (In Russ.).
15. Shumakova O.A. Sushchnost' i osobennosti bazovoy kul'tury vzaimodeystviya psikhologa obrazovaniya s roditelyami [The essence and features of the basic culture of interaction between the psychologist of education and parents] / O.A. Shumakova // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novyye gumanitarnyye issledovaniya. 2011. №3 (17). S. 92-94. (In Russ.).
16. Shcherbatykh YU.V. Psikhologiya stressa i metody korrektsii [Psychology of stress and methods of correction] / YU.V. Shcherbatykh, SPb.: "Piter", 2006. 256 s. (In Russ.).
17. Arntz A., Ibañez C., Covarrubias T. Unexplained ocular and visual symptoms: The need for a psychosomatic approach in Ophthalmology // Archivos de la Sociedad Española de Oftalmología (English Edition), Volume 94, Issue 12, December 2019, Pages 575-578
18. Mark JR, Kulinich AG, Scher LM, Mannis MJ. Vision loss and psychopathology. Pan Am J Ophthalmol 2021; 3:7
19. WHO Global Data on Visual Impairment. URL: www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/blindness-and-visual-impairment, accessed 09.10.2022.

Поступила в редакцию 14.03.2023. Прошла рецензирование и рекомендована к опубликованию 20.04.2023.

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-NonCommercial» («Атрибуция – Некоммерческое использование») 4.0 Всемирная – <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4>.